

**От переводчика.
Многообразный ад современности**

Жорж Минуа — современный французский историк и культуролог — известен русско-му читателю по его книге «Дьявол», а также по моему реферату и комментарию основных идей его двухтомника «Церковь и война: от библейских времён до атомной эры» [Макаренко 2011]. В развитие этих публикаций помещаем перевод заключения из книги: Минуа Ж. История ада [Minois 1996: 377–383].

ИСТОРИЯ АДА: ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Жорж Минуа

Аннотация: Журнал «Политическая концептология» публикует перевод заключения из книги «История ада» современного французского историка и культуролога Жоржа Минуа.

Ключевые слова: религия, политика, христианство, коллективистский ад, индивидуалистский ад.

Итало Кальвино завершает свою книгу «Невидимые города» констатацией: «Для живущих ныне ад — не будущность, ежели он существует, это то, что мы имеем здесь и теперь, то, где мы живём изо дня в день, то, что все вместе образуем. Есть два способа от этого не страдать. Первый легко удаётся многим: смириться с адом, приобщиться к нему настолько, чтоб его не замечать. Второй, рискованный и требующий постоянного внимания и осмысления: безошибочно распознавать в аду тех и то, что не имеет к аду отношения, и делать все, чтобы не-ада в аду было больше и продлился он подольше» [Кальвино 2010].

В конечном счёте ад овладел всей землёй. Это грустное утверждение — логический результат многовековой эволюции, которую мы попытались проследить в книге. Первые мифологические концепции «инфернального», независимо от содержащихся в них представлений, обнаруживают поразительное совпадение с адом, который понимается в соответствии с теориями современных философов. Это — всеобщий ад для всех людей, замкнутый мир без идеи наказания, направленного на индивида извне. Конечно, такое наказание начнёт действовать после смерти. Однако все уже решено в данной земной жизни, в постоянной игре между индивидом, миром и другими людьми. Шумерские и вавилонские образы Араллу, греческого Аида, древнееврейского Шеола, ада из верований шаманизма, дохристианских и германских образов ада есть отражение мира земного. И жизнь в них продолжается. Правда, иногда она протекает в крайне замедленном темпе. Однако каждый человек оказывается в своем прежнем житейском положении. Достаточно исключить слово «отражение», чтобы сделать вывод: реальный ад существует в настоящей жизни.

Но чтобы достичь этой точки, потребовалось предпринять длительное путешествие по воображаемым образам ада религий спасения, основание которых было подготовлено в моральной философии древности. В ней воплотилось постоянное углубление понятий добра и зла, которое способствовало победе первого над другим. Одновременно осознавался ограниченный характер земной справедливости. Все это способствовало проецированию в загробный мир морального идеала в форме наказания злых и вознаграждения добрых людей. Но это наказание оставалось ограниченным и временным. Оно предшествовало тотальному уничтожению (у египтян) или было предпосылкой всеобщего возрождения (в маздеизме и учении Оригена). Или же наказание связывалось с возвратом в земную жизнь, как это было в Индии или Греции.

Христианская мысль в этой сфере пошла дальше. Она ввела элемент вечного и неизбывного наказания, а также различие между карой вечных мук и наказанием, которое ощущается чувствами. Христианский ад — это система, которая связала рационалистический подход с духом практицизма. Христианский ад — это чистое изобретение западного гения. Такой ад является наиболее систематизированным адом из всех когда-либо возникших его разновидностей. Этот тотальный ад включает четыре аспекта: негативный (наказанный отлучается от источника добра), позитивный (наказанный подвергается мукам посредством всех пяти органов чувств, воображения, разума и ощущений, вследствие которых он чувствует угрызения совести), темпоральный (муки длятся во времени) и вечности (осознание бесконечного продолжения страданий). Христианский ад — это идеальный ад. Но одновременно он является средством, которое предназначено исключить зло из земной и повседневной жизни.

И все же эта столь совершенная структура никогда не действовала надлежащим образом. Над ней всегда тяготел синдром чрезмерного совершенства, что порождало неразрешимые противоречия. Теологи никогда не смогли удовлетворительно ответить на вопросы: каким образом материальный огонь может воздействовать на нематериальные души? почему проклятые и осуждённые на вечные муки, сохранившие связанную со временем способность мышления, не могут ни испытать, ни проявить раскаяния? каким образом всеблагой и всемогущий бог может терпимо относиться к вечному падению существ, которые созданы им самим? Христианский ад стремился воплотить образ состояния абсолютного страдания. Однако эта идея была поражена множеством внутренних противоречий, чтобы она могла оказаться действительно достоверной.

Но этот образ вызывал тревогу на протяжении целых столетий. Правда, не до такой степени, чтобы он смог достичь постулированной практической цели — исключить зло из жизни людей. Домен человеческого не может быть доменом абсолюта. Абсолют невозможно постичь умом, следовательно, в нем содержится некая неудача. Христианство стремилось создать слишком совершенный ад. Но оно погрязло в противоречиях, разрушивших его дело. Это поражение можно было предвидеть, поскольку клир очень рано начал использовать художественные образы и символы, которые заслонили более глубокий смысл ада. Огонь, черви и муки породили буйную сферу представлений народного ада. Теологи никогда не смогли дезавуировать ее целиком. Существовало неоднозначное отношение между теологическим, догматическим, философским и народным адом, каждый из которых имел свою специфику. Эта неоднозначность стала фактором, породившим сомнения.

Традиционное представление об аде по своим принципам было слишком бестелесным. Однако оно стало крайне телесным в описаниях. Оно отражало мир понятий определённого конкретного общества. И превратилось в разновидность окаменелости, когда это общество прекратило существование. Аналогии с земной, особенно царской справедливостью, содержали в себе крайне много неясностей. Следующей причиной преждевременного увядания

ада стало сильное влияние со стороны монастицизма. Оно привело к признанию гордыни, жадности и разврата главными причинами осуждения на вечные муки.

Никогда полностью не исчезала также тенденция разместить ад на земле. Время от времени она выходила наружу. И с той же самой регулярностью ее стремились столкнуть вниз силы религии — держатели ключей от рая и inferнального мира одновременно. Уже Лукреций отождествил ад с экзистенциальным страхом. Эту идею в большей или меньшей степени заимствовали гностические течения и различные модификации манихейства. На протяжении XIV–XVI вв. включительно получили распространение эксцессы сатанизма. Они создали иллюзию нападения ада на землю. Однако этот эпизод не вышел за рамки традиции. Здесь наиболее важны видения Иеронима Босха. Они образуют амбивалентный кошмар на перекрестке земного и запредельного ужаса.

В XXII в. церковь способствовала возврату ада на его надлежащее место. Произошла католическая и протестантская реформа. Обе они строго отделяют «профанное» от «сакрального» во всех сферах. Чудес и волшебства больше не существует. Начинается великое дело рационализации земной жизни. Все сверхъестественное отправляется на тот свет, частью которого является ад. Реализуя постановления Тридентского собора, Церковь подорвала свое собственное положение. Она отдала мир во владение Декарту, науке и позитивизму. Церковь герметически отделила друг от друга два мира. Из-за этого равновесие в поисках истины стало невозможным. Возник климат соперничества, который ещё более ослабил позицию Церкви. Вместо сотрудничества с наукой Церковь ею пренебрегла и вскоре стала жертвой науки.

В итоге (начиная с XIX в.) это привело к абсолютному отрицанию традиционного понимания ада в светской среде. Экклесиастический ад превратился в допотопное чудовище, совершенно непригодное для современного мира. Именно тогда неожиданно его земной соперник приобрел необычную силу и в конечном счёте стал господствовать в современном мире. Сегодня говорят: ад — это другие; ад — это экзистенциальный страх; ад — это повседневная жизнь и т. д. За указанными крайне общими формулировками скрываются тревоги и дилеммы современности. XX век можно назвать столетием ада с абсолютной правотой и истинностью.

Безусловно, идея ада эволюционировала от наказания за нарушение морали до экзистенциального страха. Любой термин определяет экстремальное состояние. Подобно всем остальным терминам термин «ад» функционирует в климате кризиса ценностей, который ведёт к тому, что понятие «ада» теряет собственный смысл и понимается совершенно неправильно. Но у этого понятия есть более глубокий смысл, обладающий сегодня большей правомочностью, чем когда бы то ни было.

Теологи, философы и учёные XX в. углубили смысл понятий системы, среды, взаимозависимости и взаимодействия. Тем самым ни один элемент, частица, молекула любого живого существа и ни одно небесное тело уже не могут рассматриваться изолированно. Индивид — это одновременно совокупность его связей со средой и с космосом и целый комплекс его физических и психических отношений с внешним миром. Осознание этого факта ведёт к модификации понятия ада, поскольку изменение любого элемента оказывает влияние на целое: индивидуальная и коллективная ответственность в данном понятии переплетены. Добро и зло, которые реализуются на земле и в небесах, индивидом и любым коллективом, обладают последствиями космического размера и детерминируют будущее всей системы. В этом состоит *первый* компонент некоего возможного ада.

Индивидуальное сознание есть также результат отношений между людьми. Оно зависит от оценки других и от реакции каждого на такую оценку. Даже совершенно изолированный человек в пустыне остаётся по-прежнему психически и физически связанным со своим

прошлым. Человек не создаёт себя самого и никогда не остаётся один (таков *второй* компонент возможного ада). Человек не в состоянии определить собственное будущее и потому также не может определять будущее других людей. Мы остаёмся лишь одним из элементов, воздействующих на ближних. Даже тогда, когда мы глубоко любим другого человека, огромная часть его личности ускользает от нас. Тем самым индивид по-прежнему остаётся единственным и неповторимым. Это — *третий* компонент возможного ада.

Указанные три аспекта существовали всегда, однако до сих пор оставались скрытыми. Лишь современная техника обнажила их совершенно беспощадно. С этого момента мы обладаем почти мгновенным осознанием всего, что происходит в мире где бы то ни было. Но вследствие этого лишь обострилось наше ощущение бессилия и зависимости. В большинстве современных концепций ада скрываются одни и те же компоненты: человек конца XX в. обладает обостренным сознанием раскола между своим положением зависимости и солидарности, с одной стороны, и собственным непреодолимым одиночеством, с другой стороны. Он сознает, что является фрагментом целого, которое детерминирует его бытие. В то же время он остаётся неизменно одиноким. В качестве индивида человек стремится к самоутверждению, но в качестве человека он осознает иллюзорность индивидуализма.

Ад человека состоит именно в этом расколе, который обнажил упадок традиционных ценностей во всей его брутальности. Человек уже не верит в миф равенства, поскольку все вокруг него указывает на нечто противоположное. Свобода? К чему же она в конце концов сводится в этом мире, в котором давление большинства сводит к минимуму права каждого человека? А что касается демократии, то она позволяет ему значить ровно столько, сколько значит капля воды в океане. Демократия уже давно работает в пользу политиков-демагогов. Все эти фасады рушатся и человек опять оказывается перед неизменной дилеммой: я и другие.

Ад всегда скрывался в указанной конфронтации, хотя приобретал разные формы. Традиционный ад был санкцией, угрожающей за эгоистическое и недостойное поведение по отношению к другим. Современный ад — это обретение чёткого сознания драматического противоречия, которое образует саму сущность человеческого существования: я — результат деятельности других и могу подтверждать собственное существование только в оппозиции к другим. Разрыв зависимости или вопрос о том, как жить среди постоянных противоречий — в этом и состоит современное сознание ада. Такая ситуация может вести либо в ад либо к спасению в брэнной жизни. Ад — это отбрасывание действительности, т. е. отбрасывание указанной внутренне противоречивой обусловленности. Ад может воплощаться посредством самоутверждения и тотального пренебрежения к другим, а может также реализоваться посредством отбрасывания собственного «я» и тотального растворения в анонимном «человечестве». Оба решения иллюзорны и осуждают нас на жизнь в вечном расхождении с целью. Желание тотального утверждения в зависимости от других — это погоня за химерой, поскольку всегда какая-либо часть ближнего (или ближних) от нас ускользает. А постоянное осознание этого поражения делает жизнь просто невыносимой. В свою очередь желание абсолютного отрицания собственной личности не менее иллюзорно. Оно всегда оставляет осадок чувства вины, поскольку мы не можем преодолеть нашу неповторимость. К тому же мы всегда терзаемся угрызениями совести за то, что не смогли достичь абсолютного альтруизма. Его можно достичь лишь путём принесения в жертву собственной жизни, т. е. посредством саморазрушения. Несомненно, это требование ведёт к бесчеловечности, а также к триумфу абсолютного эгоизма. «Тот, кто в своих действиях претендует на роль ангела, действует как скотина», — говорил Паскаль. Тем самым мы возвращаемся в замкнутый мир традиционного ада. Выхода из него нет.

Здесь особенно очевидна аналогия с эволюцией космоса. В результате взрыва наша вселенная постоянно расширяется. Она завершится в мире ледяного холода и непроницаемой тьмы, если сила импульса, порождённая вследствие Великого Взрыва, превысит силу притяжения («открытая вселенная»). Если же победит последняя, то вселенная сожмётся к состоянию небывалого жара («замкнутая вселенная»). В обоих случаях наступит ад. По отношению к человечеству первый случай означает победу эгоизма, второй — тотального и универсального альтруизма.

Современный человек осциллирует между указанными видами ада. Он обладает возрастающим сознанием собственного положения, а также сознанием возможности саморазрушения по причине избытка самоотрицания или самоутверждения.

Новейшие концепции философии науки и научной логики со многих точек зрения совпадают с традицией и направлением движения гуманитарных наук. Основоположителем такого междисциплинарного подхода к действительности был Нильс Бор. К этой же идее склоняют нас такие современные учёные, как Басараб Николеску, и она образует продуктивное направление современной науки. Опираясь на труды С. Лупаско и Г.И. Гурдьёффа, Николеску освещает «триалектическую» структуру физической, биологической, социологической и психологической реальности¹. Именно указанное сосуществование трех неразрывно связанных аспектов и составляет триалектическую структуру действительности.

Её последствия являются фундаментальными как для человечества, так и для индивида. Они позволяют понять современную концепцию ада. Речь идёт о её трёх параметрах: 1. Тенденция к абсолютной гомогенизации индивидов и сведению их к подобию одного с другим в обществе тоталитарного типа. Эта тенденция аналогична физическому принципу энтропии. Она находит свою кульминацию в смерти вследствие всеобщей идентичности, без каких бы то ни было противоречий. Общество, которое состоит из идеально подобных друг другу людей и равных один другому индивидов с любых точек зрения, — есть, по сути дела, мёртвое общество. Такая опасность грозит нам со стороны эгалитарных утопий. 2. Тенденция к тотальной индивидуализации и гетерогенности. Она может вести к смерти вследствие крайней дифференциации. Речь идёт об абсолютном отсутствии солидарности и полной изоляции каждого человека. Эта опасность угрожает нам со стороны анархистских утопий. 3. Реализация динамического равновесия двух указанных тенденций. Речь идёт о постоянном нарушении равновесия между адом коллективистского тоталитаризма и адом анархистской изоляции.

На уровне индивида указанными тремя параметрами является самоутверждение, самоотрицание и «эмоциональный определитель» (Гурдьёфф) соединения, одобрения и противоречия между индивидами. Индивиду угрожают два противоположных ада: А) ад чрезмерного самоутверждения без учёта других; это традиционный ад — наказание «за гордыню», осуждённой на неизбежное поражение, поскольку оно не учитывает нашей фундаментальной зависимости от других; логической и крайней целью такого ада является самубийство — ад осуждённых на вечные муки; Б) ад тотального самоотрицания, тоже неизбежно приговорённого к поражению и смерти, поскольку оно не учитывает неизбежной и фундаментальной неповторимости и одиночества каждого человека; это — ад святых.

¹ «Овнешнение любого явления равнозначно определённой актуализации, тяготению к идентичности. Но такое овнешнение имплицитно подразумевает определённое подавление, некую потенциализацию всего, что не является данным явлением, иначе говоря, вызывает его неидентичность. Такая потенциализация не является уничтожением и исчезновением навсегда. Она есть просто забвение того, что еще не проявилось. Однако актуализация и потенциализация недостаточны для логически когерентной дефиниции действительности. Само движение, переходные стадии, переход от потенциальности к реальности нельзя представить без независимого динамизма. Он имплицитно подразумевает абсолютное и строгое равновесие между воплощением и потенциализацией. Данное равновесие и делает возможным саму переходную стадию».

И мы постоянно выгребаем между двумя коллективистскими и двумя индивидуалистскими адами, противостоящими друг другу. История XX в. даёт нам множество примеров — от гомогенного ада нацизма, коммунизма и религиозного интегризма до гетерогенного ада гнилой демократии, производящей ложные свободы и действительные неравенства. Полюсами могут быть также ад ничем не связанного потребления и альтруистический ад наркомании любого рода. Все, кто хотел изменить мир, бросали его в тот или иной ад².

Сегодня как никогда можно приблизиться к спасению лишь протискиваясь сквозь узкий проход, который означает принятие на себя вины и ответственности за экзистенциальное противоречие. Это — сознание того, что собственная индивидуальность зависит от других и может самоутвердяться только благодаря указанному сознанию. Сфера свободы здесь крайне узкая, а риск велик. И люди постоянно низвергаются в ад вечных грешников и ад святых. Одновременно указанные противоречия означают вступление на средний путь — одобрение одновременности бытия и небытия, неизбежного растворения каждого «эго» во множестве отношений. Как показала квантовая физика, это противоречие образует первоначало бытия. Я являюсь собой и не собой, собой и антисобой; я — реальность и потенциальность. Ад — это отрицание одной из указанных возможностей и тем самым осуждение себя на неполноту существования. Это — согласие с тем, чтобы определённая часть моей сущности была искалечена. Следовательно, вплоть до самой смерти мы переходим из одного ада в другой. Погружаемся в них более или менее глубоко и сталкиваемся в них других людей.

Спасение состоит в противостоянии исключительному одобрению того или иного аспекта личности. Можно занимать позицию, противоположную и одновременно тождественную позиции Паскаля. В этом случае можно сказать: человек есть ангел и одновременно скотина; тот, кто хочет быть только ангелом или только скотом, тот неизбежно окажется в аду. Спасение — в одобрении этого противоречия. И только так проявляется действительное смирение. Ад — это выбор только одной возможности. Такой выбор означает, что человек сам себе наносит увечье. И современное общество как раз состоит из увечных и убогих людей. Человек есть согласие и несогласие, бытие и небытие. Быть или не быть — это действительно вопрос inferнальный. Быть и не быть — в этом и состоит спасение. «Имеющий уши да слышит».

Перевод с польского В.П. Макаренко

Кальвино И. 2010. *Невидимые города*. — М.: АСТ, Астрель. — 224 с. — Доступно: http://www.e-reading.club/chapter.php/127799/82/Kal%27vino_-_Nevidimye_goroda.html. — Проверено: 05.05.2017.

Макаренко В.П. 2011. Фанатизм и толерантность: диалектика библейско-церковных истоков — *Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований*. — № 4. — Доступно: <http://politconcept.sfedu.ru/2011.4/01.pdf>. — Проверено 25.06.2017.

Minois G. 1996. *Historia piekla*. Tłumaczenie: Barbara Szczepanska, Agnieszka Kedzierzawska. Państwowy instytut wydawniczy. — Warszawa.

---

² Б. Николеску пишет: «В конечном счёте преобразование внешнего мира ничего изменить не может, тогда как трансформация отношения человека к действительности может изменить все. Такая трансформация может быть осуществлена посредством согласия с триалектическим противоречием».